

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
Ч48

Художник

Валерий Калныньш

Черкасов, Г. Ю.

Ч48 Как мы не стали бандой : роман / Глеб Юрьевич Черкасов. —
М. : Время, 2020. — 448 с. — (Интересное время).

ISBN 978-5-9691-1927-7

Что может связывать известного политтехнолога и профессионального наемника, преуспевающего финансиста и бывшего автослесаря? Они не виделись с конца восьмидесятых, судьба, будто бы забавляясь, пыталась их свести вновь и разводила в разные стороны за мгновение до встречи. Героев этой книги не хочется жалеть — они сами потеряли то, чего должно было хватить на всю жизнь. Героев этой книги можно уважать — они барахтались до последнего. Эта книга о том, как просто перестать быть друзьями и как трудно без них.

Все имена вымышлены, любые совпадения случайны.

ББК 84(2=411.2)6

ISBN: 978-5-9691-1927-7

© Глеб Черкасов, 2020

© «Время», 2020

*Моей маме Тамаре Кайдан
за безграничную любовь и терпение*

Я так живо представляю себе его темную фигуру; глубокой ночью он бредет вдоль безлюдных улиц, поглощенный одной мыслью, весь уйдя в себя. Быть может, в бледном свете привокзальных фонарей грубый дощатый забор показался ему белой стеной? А роковая дверь пробудила в нем заветные воспоминания? Да и существовала ли когда-нибудь белая стена и зеленая дверь? Право, не знаю.

Герберт Уэллс

В историческое время живем — радуйтесь.
Виктор Черномырдин

ПРОЛОГ
ПРОГРАММКА К МАТЧУ

1982 ГОД

(ФРАНЦИЯ — ФРГ, 3:3)

Июнь–июль — чемпионат мира по футболу в Испании.
В ноябре умирает генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев.
В США выходят фильмы «Рембо» и «Тутси», в СССР — «Остров сокровищ» и «Инспектор ГАИ», во Франции — «Ас из асов».

Команда: Станислав Линькович, Антон Маяков,
Дмитрий Хубариев, Петр Кислицын.

Посреди дачного поселка Северянка было самое настоящее футбольное поле с самыми настоящими воротами: одни прямые, а другие гнутые, спасибо пьяному водителю — штанголюбу. Никто в Северянке не помнил, как получилось, что такое поле сначала появилось, а потом было заброшено. Сеток на воротах, как и разметки, конечно, не осталось. Но никто из дачников не жаловался. Поле гордились и без усталости пользовались.

С утра мяч гоняли дети, а вечером все, кто хотел, сначала улица на улицу, а потом — не разбирая адресов, по симпатиям. За мячом носилась огромная толпа в возрасте от восьми до шестидесяти лет. На воротах стояло

по пять-шесть человек. Судей не было, спорные вопросы решали капитаны. Играли на интерес — проигравшая команда ставила ящик пива или вина взрослым и ящик мороженого — детям. Второе было достать иногда и труднее.

Антон Маяков, Стас Линькович, Петя Кислицын и Дима Хубариев — мальчики примерно одного возраста — всегда играли в одной команде. Когда одного из них перевели для комплекта в другую, они просто вместе ушли с поля. Пораженные детским упрямством, взрослые больше ребят не делили, с того момента и стали в Северянке играть не улица на улицу, а как придется.

Дача родителей Антона Маякова досталась им от маминого отца, который получил участок еще в шестидесятые годы и тогда же построился. Сам он наезжал в Северянку редко, жил по должности на другой, казенной. Антон млел, когда дедушку привозила черная «Волга». Он не понимал, отчего с утра, задолго до появления на улице красивого автомобиля, отец ходил хмурый, а мама на это сердилась. Один раз задал вопрос, познакомился с таким довольно редким явлением, как подзатыльник, понял, что развивать знакомство не хочет, и отложил решение задачи на потом. Так обычно Антон поступал и с домашними заданиями в школе.

Лето он любил и за их отсутствие тоже. И за то, что на даче имелась огромная — аж в три шкафа — библиотека.

Чуть ли не с шести лет Антон много, с удовольствием и без всякой системы читал. Хоть на даче, хоть дома он просто брал книгу с полки. Не нравилось — ставил обратно. Мать всполошилась, когда восьмилетнее чадо пришло с просьбой растолковать некоторые не до конца понятные места из «Похождений бравого солдата Швейка».

Попытка обратить ребенка к детской литературе провалилась: после солдата Швейка и мушкетеров лисичками и белочками его увлечь как-то не получалось. Прятать книги было бессмысленно. Однажды случился скандал. Антон любил есть за чтением и читать за едой. Родители, обнаружив пятна на страницах совсем непонятной и неинтересной книги «Ожог», пришли в неопишумую ярость.

Отругав вдоволь и ребенка, и друг друга, папа с мамой договорились с сыном, что он все-таки будет спрашивать, стоит читать эту книгу или нет. Ну и конечно, за чтением не будет есть, да и вообще есть будет поменьше, а то какой-то толстячок получается.

Антон честно ходил на плавание, на которое его записала мама, и старался летом больше времени проводить на улице. Но до появления Пети шкафы с книгами оставались его лучшими друзьями.

Новый знакомый у Антона появился, оттого что его отец, Сергей Владиленович, по меткому выражению жены Раисы Николаевны, мог удержать в руках только «рюмку, сигарету и шариковую ручку». Когда забор завалился, пришлось позвать на помощь соседа. Еще в начале семидесятых Северянка считалась номенклатурным поселком, но спивавшиеся потомки генералов и министров потихоньку делили и продавали участки тем, кто мог заплатить. Один из новых жителей, мастер с завода, оказался спасителем для хиреющего хозяйства Маяковых.

Алексей Петрович Кислицын пришел чинить забор вместе с сыном. Мать подтолкнула Антона к Пете Кислицыну и велела немного побегать, потому что опять он только и читает. Антона, оторванного от «Охотников за сокровищами» Луи Буссенара, план не порадовал, но уже

через десять минут он с удовольствием играл в солдатиков с новым другом, рассказывая ему о Бородинской битве. Петр слушал разинув рот, а его отец, невольно став свидетелем дитячьей беседы, пришел в восторг: «Он в школе для проформы, только по физкультуре и пению успевает, хулиганить туда, в общем, ходит, а тут ваш Тоха прям кладезь, то расскажет, се расскажет, пусть Петька к вам или Антон к нам, соседи же».

Родители Антона не спорили, в починке нуждалось почти все, а Петя, едва достававший Антону до плеча, смотрелся симпатично.

Их дружба дала причудливый эффект: сын мастера завода тщательно запоминал все, что рассказывал его начитанный друг, а сам за книги не взялся. Зато Антон явно похудел и даже немного научился кататься на велосипеде. Его родители были счастливы.

С Димой Хубариевым они познакомились в очереди за молоком.

Петя и Антон сначала заинтересовались, а потом и отнеслись к нему с почтением в силу биографии. Он и его старший брат Максим жили с бабушкой, бабой Верой, — это казалось очень необычным. Непонятно было, куда делись родители, но факт оставался фактом.

Максим компании со сверстниками не водил и тут же стал у ребят заводилой, с ним легко отпускали в кино и на речку, как-никак почти взрослый, уже пятнадцать лет. Это в итоге и привело к происшествию, которое присоединило к компании Стаса Линьковича, а Макса после того с ними не осталось.

После печального события — набега на клубничное поле, — о котором потом не хотел вспоминать никто из его

участников, Раиса Николаевна крайне неприятным голосом, обращаясь в основном к Диме, объясняла, что пока не было его с братом, все шло прилично и только они сбивают с толку хороших ребят.

Испуганный Дима готовился заплакать, но тут пришла его бабушка.

Тон разговора несколько изменился.

Виноватым был признан так и не объявившийся пока Макс. Бабушка извинилась за него и, взяв Диму за руку, пошла к себе, во флигель, который они снимали на соседней улице.

На следующий день ничего не кончилось. Когда Петя и Дима зашли за Антоном, его мама громогласно призвала сына не ввязываться в сомнительные мероприятия, которые наверняка замышляют те, чье место в колонии для несовершеннолетних. Хубариев, не выдержав обиды, повернулся и убежал.

На беду, Антон только еще собирался выйти из дома. Пока он высказывал на веранду с возмущенным криком, Дима исчез.

Мальчики отправились на поиски. Дома его не было. Макс с чердака пытался подавать какие-то знаки. Петя с Антоном подошли поближе и узнали, что вечером, когда тот пытался пробраться домой, бабушка его поймала, заставила снять штаны и трусы, выдала женскую ночную рубашку и велела сидеть дома. Всю прочую одежду она заперла. Макс просил найти ему хоть какие-то штаны.

Антон и Петя, не говоря ни слова, двинули дальше.

У каждого уважающего себя мальчика, живущего на даче, обязательно была пара-тройка мест, где он мог спрятаться. Петя с Антоном обошли все известные нычки, но

Димы не было. Не обнаружился он и на речке. Искупались они мрачно, без всякого удовольствия.

— Я не вернусь, пока мы его не найдем, — решительно сказал Антон. — Это очень неправильно, что моя мама...

Петя согласно кивнул головой.

...Дима, получив выволочку, кинулся домой. Но, уже подходя к родному флигелю, услышал, как бабушка снова ругалась с Максом. В последний год это происходило регулярно. Макс кричал про какие-то деньги, которые бабушка зажимает, и что он скоро вырастет и спросит за все.

Дима свернул к основному дому, но там стоял хозяйский сын Стас. Разговаривать с ним не хотелось.

Хозяева всячески привечали братьев, но Дима чувствовал себя неловко. Особенно на воскресных обедах с несколькими переменами блюд. Они как-то неприятно контрастировали с достаточно однообразной и практически ежедневной бабушкиной кашей. Больше Диме нравилось, когда хозяин дачи жарил картошку с сосисками — это подходило куда лучше. Хотя сам Стас от них и воротил нос.

Отец у него вообще был прикольный. Все поселковые мальчишки хотя бы несколько раз тайком с утра пробирались к саду Линьковичей. Иван Георгиевич сначала делал какую-то причудливую зарядку, а потом начинал бить руками и ногами по двум боксерским грушам, привязанным к деревьям. Потом выходили Стас и его мама Альбина Несторовна — их зарядка интересовала мальчишек значительно меньше.

Подружиться со Стасом у Димы не получилось, потому что хозяйский сын задавался. А однажды и вовсе пошутил насчет того, что Дима ходит в Максовых обносках.

В тот же день в очереди за молоком и хлебом, что привозили в палатку рядом с футбольным полем каждое утро, он разговорился с Петей, а тот уже познакомил его с Антоном.

Вот это случились друзья так друзья — осознание того, что их больше нет и не будет, приводило Диму в отчаяние.

...Стас не любил дачу, потому что скучно. Раньше летом они ездили на море в санаторий. Там было здорово и даже какая-то компания сложилась. Но в этом году отец сказал, что мест нет — «поветеранистей ветераны нашлись». Пришлось тащиться на дачу.

Дел особых не было. Дима, с которым велели дружить, оказался глуповатым занудой. Стас даже поразился, когда мальчик из флигеля связался с «пузырем» из дачи на другой улице и его дружкой. «Пузырь» — кажется, его звали Антон — как-то с родителями приходил в Москве в гости.

Но вместо того чтобы пособирать вместе конструктор, «пузырь» прочно схватился за какую-то книгу. Стас тоже был не против иногда почитать, но не в тех же случаях, когда приходят гости!..

Но вчера вечером и сегодня утром явно происходили какие-то забавные события. Выяснить это можно было только у Димы, а значит, придется с ним поговорить.

...Ребята без всякого толку ходили по поселку четыре часа. Антон раздражался, потому что хотел есть. Он злился на мать — чего сразу ругаться, на Диму — мог бы и потерпеть ругань две минуты, на Петю — явно не хочет есть, зато бодр и весел, на Макса — сам бы и таскал эту клубнику, на самодовольного Стаса, у родителей которого Хубариевы снимали флигель и который куда-то тащит три бутерброда с колбасой...

Антон даже притормозил. Вид еды всегда вдохновлял его, но сейчас, когда был пропущен завтрак, а перспектив на обед не просматривалось, голова заработала на все сто. Дима и Макс жили на даче у Стаса, логично было, что хозяйский сын что-то пронюхал. Антон жарко зашептал на ухо Пете план действий.

Они разделились. Антон стал медленно прогуливаться, не теряя из вида Стаса, а более приспособленный к пряткам Петя крался в кустах почти по его пятам. Тот оглядывался несколько раз, но не замечал ничего опаснее тупящего Антона.

Вскоре, обогнув забор дома, в котором в этом году, кажется, никто не жил, Петя и Антон увидели, как Стас угощает бутербродами Диму. У каждого мальчика были свои укромные места. Димины они обследовали, а вот Стасовых — не знали.

Антон решительно выступил из-за кустов, Петя шел за ним, готовый к бою в любой момент. Он уже дрался со Стасом и, в отличие от обычных случаев, не победил. Оно и немудрено, отец наверняка научил его всяким премудростям. Петя был одним из самых внимательных наблюдателей за тренировками Линьковича-старшего.

Дима, увидев друзей, улыбнулся, но потом снова насунился. Стас смотрел больше на Петю, поэтому Антон пошел сразу к Диме.

— Димка, ты извини, моя мама глупая, — начал было Маяков.

— Не смей так про мать, — резко оборвал его Дима и заплакал.

Петя со Стасом, уже начавшие стучаться плечами, оглянулись и решили отложить бой.

Дими́на мать умерла при родах младшего сына, отец вскоре уехал на какую-то войну и не вернулся. Их взяла к себе жить тетка матери, баба Вера. Как только Дима подрос и стал что-то понимать, старший брат стал изо дня в день рассказывать, что родителей у них нет из-за младшего, старший его не бросит, но его надо слушаться во всем. Дима, сколько себя помнил, считал себя виноватым перед братом.

Макс не слишком злоупотреблял своей властью, но пользовался. А взамен немного рассказывал про родителей, которых застал в зрелом возрасте пяти лет от роду. Было очевидно, что история с клубникой не первая беда, в которую старший брат втравил младшего.

Но и бабушка была очень родной.

— Ну и что, ты теперь до старости виноватиться будешь? — спросил Стас.

Дима молчал.

— Ты домой-то собираешься? — неожиданно спросил Антона отец. Он внимательно смотрел на него через забор и почему-то улыбался. — Вас все ищут.

— Я не пойду, — решительно сказал мальчик, — без друзей я не пойду никуда, а мама больше не должна так говорить про Диму.

Маяков-старший удивленно хмыкнул и закурил:

— Рассказывай, что там и как.

Рассказывали в итоге все вчетвером, перебивая друг друга. Стас и Петя готовы были даже подраться, потому что, описывая слезку, Петя пару раз помянул «хлопанье ушами». Стас с этим совершенно не был согласен.

Сергей Владиленович внимательно слушал, потом взял слово, что они не разбегутся, и ушел.

Антон так и не понял, почему его мать извинилась перед Димой и попросила не держать зла. Наверное, этого не понял никто.

Скандал оказался мелочью на фоне начавшегося чемпионата мира по футболу, который, как важно доложил всем Стас со слов отца, впервые показывали целиком. Матчей было много, на любой вкус. Все крыли матом поганого судью Кастильо, засудившего сборную СССР в матче против Бразилии, сочувствовали чехам, которые почему-то сыграли плохо, ругались на немцев и австрийцев, с помощью явно договорного матча подло выттуривших с чемпионата отличный Алжир, жалели Камерун, который был не хуже других.

Матчи сборной СССР смотрели напряженно, но к концу ее игр — несколько недоуменно. До турнира считалось, что наши не хуже, а лучше других. В итоге получалось кисло-кисло. Споры о том, правильно ли из команды убрали игроков «Спартака», заменив «киевлянами», и что бы случилось, кабы до Испании добрались Давид Кипиани и погибший Дараселия, шли до нулевой ничьей с Польшей, отправившей СССР домой.

С некоторой неприязнью дачники Северянки отнеслись к тому, как итальянцы костоломно вынесли с турнира Аргентину и Бразилию.

И почти все болели за Францию. Жиресс, Тигана, Женгини, Аморос, Рошто и, конечно же, Мишель Платини — мушкетеры, изящные и убийственно опасные, как будто сошли в телевизор со страниц Дюма (Антон пересказал содержание книги своим друзьям и даже пообещал Диме дать ее почитать).

Они шли по турниру играючи, даже несмотря на стартовое поражение от Англии. И уж после наказания подлой Австрии свои розги должны были получить в полуфинале и немцы.

Утром после матча ФРГ — Франция поселок будто вымер.

Около продуктовой палатки, рядом с полем, не было даже любителей утреннего портвейна.

Первым на поле пришел Стас, принес мяч и сел на него. Потом появился Дима, что-то бормоча себе под нос и гневно размахивая травинкой. Петя и Антон брели вместе — по дороге Петя что-то рьяно доказывал товарищу.

— Навалять они должны были этому Шумахеру, он их товарища искалечил. Прямо там и надо было набить морду.

— Тебе бы только морду бить, — грустно сказал Антон, — но вот я согласен со всем.

Стас покачал головой:

— Да брось ты, удалили бы француза, и всё тут.

Мальчики, за две недели до того поверившие в то, что несправедливость можно победить, вдруг узнали, что есть что-то, что нельзя просто так взять и одолеть.

Их родителям тоже было худо.

Отец Антона после последнего пенальти с размаху кинул с веранды старый стул в кусты и только через пять минут пошел забирать его.

— Я плакал полночи, — сказал неожиданно Дима.

Мальчики удивились. Димино спокойствие ставили им в пример, и даже Раиса Николаевна, все равно немного косившаяся на него, часто говорила, что у Хубариева надо учиться хладнокровию всем и прежде всего ее сыну.

— Это нечестно очень было, французы же лучше, а немцы просто везучие, — сказал Дима.

Петя хвалился тем, что никогда не хнычет, потому что отец запретил. Но на самом деле он тоже плакал, и отец его не ругал, а, наоборот, гладил по голове и приговаривал:

— Ничего, сынок, мы с ними за все посчитаемся, за дядьев моих, пацанов нецелованных, в землю легших, за войну, за все, за машины их поганые.

У Стаса тоже глаза были на мокром месте. Удержался он потому, что отец, Иван Георгиевич, после последнего пенальти потер виски и сказал жене:

— Всё так же, как и восемь лет назад, с Голландией, только даже теперь до финала не дошли, как-то не на тех я опять поставил.

Стас пересказал эти слова, и они почему-то всех успокоили.

Через несколько минут мальчики уже смеялись. Потом Стас добавил:

— А гости у нас говорили, что чемпионат мира будет в СССР в 1990 году.

— Вот тогда вместе и ходим на футбол, — решительно подвел итог Антон.

Жизнь налаживалась. Пора было на речку.

КОМАНДЫ ВЫХОДЯТ НА ПОЛЕ 2014 ГОД

На Украине свергают президента Виктора Януковича. Россия присоединяет Крым. США и ЕС объявляют против России санкции. Весной начинаются волнения на юго-востоке Украины, к лету они выливаются в полномасштабные боевые действия вооруженных формирований самопровозглашенных

Донецкой и Луганской народных республик и негласно поддерживающей их России против украинской армии и добровольческих батальонов. Апогея боевые действия достигают в августе–сентябре после чего было заключено перемирие, известное как «Минск-1».

В Сочи в феврале прошла зимняя Олимпиада, в медальном зачете Россия заняла первое место.

В июне состоялся чемпионат мира по футболу в Бразилии. Россия выступила неудачно, а чемпионом мира стала Германия, разгромившая по дороге хозяев чемпионата со счетом 7:1.

Выходят фильмы: «Нимфоманка», «Хоббит: битва пяти воинств», «Волк с Уолл-стрит», «Отель “Гранд Будапешт”».

**Станислав Линькович, ПЕТР КИСЛИЦЫН, АНТОН МАЯКОВ,
ДМИТРИЙ ХУБАРИЕВ**

Совет Федерации дает согласие на использование российских войск на Украине.

Станислав Линькович
(1 МАРТА)

«Все, во что ты навеки влюблен, — нож истошно рубил сложенные вместе огурцы и сельдерей, — уничтожит разом, — нож смахнул нарубленное в блендер, — тыщеглазый убийца дракон, — рука включила блендер, — должен быть намешан он, соус, и разом».

«Арию» Стас никогда не любил, но эта песня отлично подходила к кулинарным штудиям.

Готовить еду он начал совсем недавно.

В середине 2013-го, передав дела и бóльшую часть счетов под управление облеченного высшим доверием мажора, Линькович решил немного отдохнуть.

Сначала он завалился с большой компанией на крайне живописный и приспособленный для отдыха островок на Карибах.

Отдых оплачивал бывший работодатель. Стас понимал, что немалая часть веселых девчонок и задорных ребят — люди, которые должны следить, чтобы он не взбрыкнул и не пустился в бега. Отставной финансист вел себя как паинька: прилежно веселился, опробовал почти всех приставленных к нему «Мата Хари», вежливо, но решительно отклонил предложение модельно смазливой юноши открыть новые сексуальные горизонты.

Через неделю Линькович улетел к Карине и дочкам, отдохавшим в семейном пансионате на Ямайке.

В течение первого, наверное, за всю жизнь полноценного отпуска Стас понял, что долго веселиться и бухать ему неинтересно, а семьи у него совершенно точно нет. Дважды он промерял дорогу до Бостона и один раз, крепко выпив, заказал билет. Протрезвев, отменил.

Вернувшись в Москву, Линькович оценил надвигающуюся пустоту и приготовился тратить деньги (вот о чем можно было не думать) на психоаналитиков. Депрессия и кризис среднего возраста ждали его с распростертыми объятиями.

Но тут случился мамин день рождения.

Стас съездил на кладбище, положил цветы. Позволил, как это привык делать много лет, паре оставшихся

в живых маминых подруг, поговорил о том о сем. Доставил пакет с картошкой, сосисками и всякой мелочью на родительскую квартиру: традиция предписывала выпить сто грамм под традиционное блюдо с семейного стола. Начав чистить и резать, Стас вдруг вспомнил, как мама, когда он был маленьким, иногда добавляла для него в жареную картошку немного молока. Сбежать в магазин было недолго, там он увлекся покупками. Через полтора часа неожиданно для себя Стас сидел за праздничным столом с несколькими блюдами. И получилось хорошо.

Жареная картошка с сосисками — любимое блюдо семьи Линьковичей — была палочкой-выручалочкой.

Нарезка, смешивание и жарка стали для Стаса хобби и психотерапией в одном флаконе. Сочетание вкусов и запахов, радость от дразнящего аромата в, казалось бы, банальном соусе приносили не меньше радости, чем очередной миллион долларов семь лет назад.

Линькович стал зазывать гостей, кормил их вкусной едой, щедро наливал и изо всех сил поддерживал беседы на самые разные темы. Желательно не о бизнесе, а если и о бизнесе, то не о конкретных делах.

Стас понимал, что сила, вышвырнувшая его из большой игры, внимательно следит за поведением своего бывшего финансового спецназовца.

А он вел себя не хуже и не лучше овоща, ждущего термообработку. Вице-президент средней руки банка вел жизнь спокойную и размеренную, как и полагается человеку, нажившему состояние без особых жертв и прошедшему развод без ощутимых потерь. Работа, немного светской жизни, пара необременительных романов.